

Годъ изданія восьмой.

ДЕКАБРЬ

№ 4.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЕЛКА (стих.).
ПУТЕВОДНАЯ ЗВѢЗДА.
НАТАША (повѣсть).
НАКОНЕЦЪ-ТО!.. (стих.).
МАГАРКА и ШАРИКЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Спальня (для склеиванія).

Нѣмецъ и Дарилка (примѣръ)

№ 4. Декабрь. 1914.

Годъ изданія VIII-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

3 р. 80 к.

на художественно-литературный журналъ для дѣтей
(7—12 ЛѢТЪ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

3 р. 80 к.

Выходить ДВА РАЗА въ мѣс. При каждомъ номерѣ приложенія. На годъ съ доставкой и пересылкой 3 р. 80 к.

Холодно!

Е Л К А.

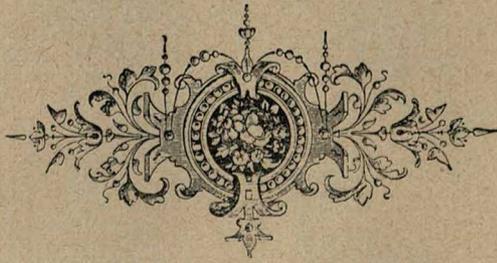
Елка, елка! Пляски, смѣхи,
Святочные дни,
Золоченые орѣхи
И огни, огни!

Пляшутъ дѣти вокругъ елки,
Глазки ихъ блестятъ,
А на елкѣ ужъ иголки
Отъ свѣчей горять.

Куклы, лакомства, игрушки,
Позволенье ѣсть,
И съ костюмами хлопучки...
Можно-ли все счесть?

И дымокъ ихъ пахнетъ смолкой,
Точно отъ костра...
Ну, проститесь, дѣтки, съ елкой,
Да и спать пора!

Ирисъ.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВѢЗДА.

Аравійская пустыня. На горизонтѣ—изъ края въ край тянется невысокій горный хребетъ, то голубой, то розовый, судя по освѣщенію солнца, а вдоль пустыни идетъ заброшенная, пыльная, изрытая оврагами дорога. Кругомъ ни кустика, ни травинки. По дорогѣ, на прекрасномъ, совершенно бѣломъ верблюдѣ, ѣдетъ путешественникъ. По его глазамъ и цвѣту лица можно догадаться, что онъ—египтянинъ. Онъ уже старъ. Широкая, съ просѣдью, борода закрываетъ почти всю его грудь.

Онъ ѣдетъ и пристально вглядывается въ пространство.

Вечерѣетъ. Красное солнце громаднымъ кругомъ склоняется къ горизонту и пустыня дѣлается еще безотраднѣе и скучнѣе. Горный хребетъ окутывается пыльной дымкой, откуда-то появляется орелъ и, широко разставивъ крылья, долго виситъ въ воздухѣ неподвижно. Изъ рывинъ выскакиваютъ то шакаль, то пѣна, но тотчасъ же убѣгають, завидѣвъ верблюда. Но путникъ не замѣчаетъ ихъ и все пристально вгля-

дывается вдаль. Затѣмъ онъ оставливаетъ верблюда, оглядывается по сторонамъ и, убѣдившись, что не сбился съ дороги, легонько дергаетъ за поводъ.

— Ложись, мой товарищъ! говорить онъ. — Здѣсь мы отдохнемъ!

Верблюдъ опускается на колѣни и вытягиваетъ по землѣ шею. Путникъ сходитъ съ него, промываетъ ему запыленные глаза и ноздри и даетъ ему ѣсть.

— Ёшь вдоволь!.. ласково говорить онъ. — Путь еще далекъ! Подкрѣпись хорошенько!

Онъ раскидываетъ палатку, устилаетъ ее ковромъ, умывается и начинаетъ молиться.

— Я увѣренъ, что они придутъ... говоритъ онъ потомъ. — Они должны меня найти, иначе это уже не будетъ чудомъ.

И вотъ что-то начинаетъ чернѣться на горизонтѣ. Путникъ вглядывается, а точка все растетъ и растетъ, все подвигается ближе и ближе, и, наконецъ, путникъ видитъ такого-же бѣлаго верблюда, какъ и его собственный. Но на немъ упряжь не такая, какъ въ Египтѣ, а индійская. Верблюдъ ѣдетъ изъ Индіи. Подѣхавъ къ палаткѣ, новый пришелецъ оставливается и вглядывается въ египтянина.

— Миръ тебѣ! говоритъ онъ съ индусскимъ произношеніемъ.

— Здравствуй! отвѣчаетъ первый. Оба незнакомца долго смотрятъ

другъ на друга, а затѣмъ индусъ указываетъ на сѣверъ и говоритъ:

— А вонъ ѣдетъ и третій!

Египтянинъ вглядывается и видитъ третьяго бѣлаго верблюда. Онъ направляется прямо къ нимъ. На немъ сидитъ человѣкъ, одѣтый по гречески. Его лицо, густые черные волосы и осанка доказываютъ то, что онъ грекъ.

— Миръ тебѣ! кричатъ ему еще издали индусъ и египтянинъ.

— Привѣтъ и вамъ, мои братья и други! отвѣчаетъ имъ третій пришелецъ.

Онъ останавливается, слѣзаетъ съ верблюда—и всѣ трое входятъ въ палатку.

— Я пріѣхалъ сюда первымъ, говоритъ египтянинъ, — поэтому позвольте мнѣ послужить вамъ! Я здѣсь хозяинъ.

И по восточному обычаю, онъ снялъ съ нихъ обувь, омылъ имъ ноги и далъ имъ ѣсть. Поѣвши, они скрестили на груди руки, склонили головы, и каждый изъ нихъ помолился по своему. Затѣмъ они долго, съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Чудо совершилось! прервалъ, наконецъ, молчаніе египтянинъ. — Мы всѣ трое знали, что встрѣтимся здѣсь въ пустынь—и вотъ встрѣтились. Но мы никогда не видали другъ друга и никогда не сговаривались. Расскажите же мнѣ, друзья, какъ это могло случиться? Кто вы? Откуда?

— Я родомъ изъ Аѳинъ, началъ грекъ, — меня зовутъ Гаспаръ. Съ самаго моего дѣтства родители мои учили меня поклоняться ихъ богамъ, но я зналъ, я чуялъ сердцемъ, что наши греческіе боги — вовсе не боги, а что есть единый Богъ, который управляетъ нашими душами и всѣмъ міромъ. Я искалъ Его всюду и нигдѣ Его не находилъ. Я звалъ всѣхъ на помощь, просилъ ихъ, чтобы они указали мнѣ Его, но никто не могъ отвѣтить на мои вопросы. Тогда я бѣжалъ изъ дому въ горы, поселился въ пещерѣ и, вѣруя въ единаго, предвѣчнаго Бога, сталъ просить Его сжалиться надо мной и научить меня, какъ бы мнѣ Его познать или увидѣть. И вотъ двѣ недѣли тому назадъ я увидѣлъ на небѣ звѣзду. Она была необыкновенно ярка и велика и, поднявшись отъ горизонта, остановилась какъ разъ у самаго входа ко мнѣ въ пещеру. Я палъ ницъ и закрылся отъ ея свѣта. И вдругъ услышалъ я голосъ: — „Вставай, Гаспаръ! Отправляйся въ путь и поѣзжай туда, куда повезетъ тебя верблюдъ. Не правъ имъ: онъ знаетъ, куда нужно будетъ ему идти. Въ пустынѣ ты встрѣтишь двухъ другихъ такихъ же, какъ и ты, присоединись къ нимъ и поѣзжайте всѣ втроемъ. Ты увидишь „Спасителя міра!“ Я очнулся, поднялся, купилъ себѣ верблюда — и вотъ я здѣсь.

Египтянинъ и индусъ переглянулись другъ съ другомъ.

— Теперь твоя очередь! обратился египтянинъ къ индусу.

Индусъ поклонился и началъ:

— Я родомъ изъ Индіи, меня зовутъ Мельхиоръ. Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ я научился познавать, что главное въ нашей жизни — это любовь къ ближнему и что весь смыслъ, вся цѣль нашего земного существованія — это въ служеніи другимъ. Когда же я выросъ большой, то я сталъ переходить изъ города въ городъ и изъ селенія въ селеніе и всюду сталъ проповѣдывать о любви къ ближнему. Я сталъ взывать о помощи къ несчастнымъ и угнетеннымъ, но меня не слушалъ никто и меня повсюду изгоняли. Тогда я рѣшилъ искать уединенія. Я пробрался къ берегамъ рѣки Инда, поселился тамъ въ одинокой лачужкѣ и сталъ покорно ожидать старости и конца. И вдругъ около меня появилась звѣзда. Ея яркость меня поразила. Я испугался и упалъ на землю. Тогда около меня раздался чей-то голосъ: — „Встань, сынъ Индіи! Осѣдай скорѣе верблюда и поѣзжай туда, куда онъ тебя повезетъ! Твоя любовь побѣдила. Вмѣстѣ съ другими, такими же двумя, какъ и ты, ты увидишь „Спасителя міра!“ Я всталъ, отправился въ городъ, купилъ верблюда, — и вотъ я здѣсь“...

Тогда сталъ говорить египтянинъ:

— Мое имя — Валтасаръ, я родомъ изъ Египта. Подобно вамъ, я тоже искалъ единаго Бога и не зналъ, гдѣ Его найти. Вокругъ меня были одни только язычники и никто не могъ мнѣ Его указать. Тогда я отправился искать Его самъ. Я зашелъ въ совершенно еще неизвѣданныя дебри Африки и удалился къ голубымъ, какъ небо, горамъ. Я взошелъ на самую вершину одной изъ нихъ и сталъ стремиться душой къ небу, надѣясь увидѣть въ немъ истиннаго Бога. По утрамъ эта гора бросала свою тѣнь на западъ и было прохладно, какъ въ раю. Водопады, бѣжавшіе съ нея отъ таянія снѣга, наполняли собою озеро, пріютившееся у ея подошвы. Больше года прожилъ я на берегу этого тихого, одинокаго озера, укрѣпляя молитвами свой духъ. Однажды ночью я прогуливался по берегу и вдругъ увидѣлъ, что зеркальныя воды этого озера засвѣтились огоньками. Одинъ изъ нихъ, все разрастаясь и разрастаясь, обратился въ яркую, огромной величины звѣзду и сталъ настолько блестять, что слѣпилъ мои глаза. Онъ поднялся и остановился какъ разъ надъ моей головою. Я испугался и палъ ницъ. И вдругъ кто-то въ молчаніи вечера мнѣ сказалъ: — „Встань и иди имъ навстрѣчу. Ихъ двое. Ты встрѣтишь ихъ въ пустынѣ. Продолжай съ ними путь туда, куда

повезутъ васъ ваши верблюды. Вы пріѣдете къ большому городу. Когда вы будете проѣзжать по его улицамъ, то спрашивайте: „Гдѣ здѣсь родившійся царь Іудеевъ? Мы видѣли звѣзду Его на востокъ и пришли поклониться ему“. И вамъ скажутъ, что тамъ Его нѣтъ, и звѣзда вамъ укажетъ на другой маленькій городокъ. Поѣзжайте туда и вы увидите Его“...

Наступило молчаніе. Всѣ трое поднялись затѣмъ съ ковра, вышли изъ палатки и направились каждый къ своему верблюду. Протянувъ свои длинныя шеи, верблюды спали. Они разбудили ихъ, убрали палатку и коверъ и отправились въ дальнѣйшій путь. Впереди ѣхалъ египтянинъ, позади всѣхъ — грекъ, а въ срединѣ индусъ. Въ пустынѣ было темно и безлюдно и бѣлые верблюды казались призраками.

-- Какъ бы намъ не сбиться съ дороги! крикнулъ Валтасаръ. — Стало очень темно! Узнаютъ ли наши верблюды, куда идти?

— Да, отвѣтилъ ему съ задняго верблюда Гаспаръ. — Не остановиться ли намъ и не дождаться ли утра?

Но въ эту самую минуту впереди ихъ вдругъ засвѣтился огонекъ. Онъ росъ все больше и больше и, наконецъ, превратился въ большую, блестящую звѣзду. Сердца путниковъ забились, они вздрогнули, встрепенулись и всѣ

трое, въ одинъ голосъ, воскликнули:

— Звѣзда! Звѣзда!

И ихъ верблюды помчались во весь духъ.

А въ это время въ Иерусалимѣ шла перепись народонаселенія. Императоръ хотѣлъ ввести новую подать, которую платилъ бы каждый мужчина, и вотъ приказано было, чтобы въ назначенный день всѣ, кто только живетъ въ Иудеѣ, явились къ мѣсту своего рожденія и внесли свои имена въ списокъ. Пробирался сквозь толпу въ Иерусалимѣ и плотникъ Иосифъ. Ему было лѣтъ подь шестьдесятъ, онъ былъ скромно одѣтъ и пугливо, какъ провинціалъ, оглядывался по сторонамъ.

— Здравствуй, Иосифъ! вдругъ окликнулъ его кто-то изъ знакомыхъ.

— А, здравствуй, другъ Симонъ! отвѣтилъ ему старичокъ.—Да будетъ тебѣ миръ!

— И тебѣ также!.. Куда бредешь?

— Да вотъ иду въ Виѣлеемъ! Насилу добрались до Иерусалима, а теперь вотъ должны еще явиться и въ Виѣлеемъ. Тамъ моя родина и оказывается, что я долженъ записаться не здѣсь, а тамъ. А мы уже устали. Пора-бы и на покой!

Иосифъ велъ за уздечку осла. На ослѣ сидѣла молодая женщина, закрывъ лицо покрываломъ.

— А это кто съ тобой ѣдетъ?

указалъ на нее Симонъ.—Твоя дочь?

— Нѣтъ, не моя дочь... Это — Марія, дочь Иоакима и Анны, которые уже умерли и она осталась сиротой. Я обручился съ ней и вотъ везу вмѣстѣ съ собой въ Виѣлеемъ. Нельзя же сиротѣ оставаться одной!

— Такъ, такъ!.. Ну, желаю вамъ счастливаго пути! Прощай, Иосифъ.

— Прощай, Симонъ!

И они разошлись.

Съ поводомъ въ рукахъ, Иосифъ вышелъ изъ воротъ Иерусалима и направился по дорогѣ къ Виѣлеему. Все время онъ шелъ сбоку сидѣвшей на ослѣ молодой женщины, съ нѣжностью заботясь объ ея удобствахъ. Теперь она сняла съ лица покрывало. Ей было не болѣе 16-ти лѣтъ. Лицо ея было нѣсколько блѣдноватое и вся ея фигура выражала мягкость, нѣжность и кротость. Большіе голубые глаза отѣнялись полузакрытыми рѣсницами, потокъ длинныхъ волосъ, какъ у еврейскихъ дѣвушекъ, спадалъ по ея спинѣ и достигалъ сѣдла. Наружная красота ея лица дополнялась божественною прелестью его выраженія. Она то и дѣло поднимала глаза къ небу и молилась. По временамъ Иосифъ оборачивался къ ней, но, боясь нарушить ея молитвенное настроеніе, молчалъ.

— Удобно-ли тебѣ, Марія? спрашивалъ онъ.

— Удобно, Иосифъ... отвѣчала она.—Я только устала.

Но вотъ и Виѳлеемъ. Огромныя толпы народа, пришедшія записаться, бродятъ по его узенькимъ улицамъ, и въ виду наступающей ночи всѣ постоянные дома и гостиницы переполнены и изъ всѣхъ оконъ слышатся голоса. Около одной изъ гостиницъ толпа больше всѣхъ. Мужчины и мальчики протискиваются сквозь нее и проводятъ своихъ осликовъ поближе къ дворамъ. Стоять гулъ головъ, ржаніе лошадей и ревъ верблюдовъ.

— Къ гостиницѣ невозможно пробраться, обращается къ Маріи Иосифъ.—Переждемъ здѣсь немного. Авось, разойдутся!

Марія отдергиваетъ покрывало. Выраженіе утомленія на ея лицѣ смѣняется интересомъ къ окружающему. Тутъ были и пѣшеходы, и всадники и продавцы хлѣба и вина. Все двигалось и копошилось.

— Подожди меня здѣсь одна, снова обращается къ Маріи Иосифъ.—Я переговорю сейчасъ съ привратникомъ. Быть можетъ, для насъ найдется мѣстечко, гдѣ переночевать.

Марія приняла отъ него поводъ, закрыла лицо и стала къ сторонкѣ ожидать его возвращенія. Долго онъ къ ней не являлся, стараясь убѣдить привратника дать ему мѣсто для ночлега, но вся гости-

ница была переполнена. Съ грустью онъ возвратился наконецъ къ своей спутницѣ и не зналъ, что ей сказать.

— Мѣсть нѣтъ... проговорилъ онъ.—Придется ночевать гдѣ-нибудь подъ открытымъ небомъ, но я бы этого не хотѣлъ. Ты еще такъ молода, что не вынесешь холодной ночи и можешь простудиться... Говорятъ, что и всѣ дома въ городѣ биткомъ набиты. Куда-же намъ дѣваться?..

И, точно отвѣчая самому себѣ, онъ продолжалъ: — Привратникъ предлагаетъ намъ для ночлега пещеру, въ которой стоитъ у него скотъ. Его дворъ примыкаетъ къ скалѣ, въ которой еще съ незапамятныхъ временъ кѣмъ-то высѣчена пещера... Конечно, мы могли-бы, въ виду такихъ обстоятельствъ, помѣститься и въ ней... Все-таки не подъ открытымъ небомъ... Какъ ты думаешь?

— Можно и въ пещерѣ... кротко отвѣтила Марія.

Иосифъ взялъ поводъ и радостно возвратился къ привратнику.

— Проводи насъ!.. сказалъ онъ.—Она согласна!

Привратникъ черезъ весь дворъ провелъ ихъ къ пещерѣ и ввелъ въ нее. Свѣтъ отъ висѣвшаго фонаря падалъ на неровный полъ, освѣщая мѣшки и солому, глиняную посуду и разную домашнюю рухлядь. Пыль и мякина покрывали полъ и толстымъ слоемъ ле-

жали на паутинахъ, густыми сѣтями висѣвшихъ по угламъ.

— Будьте здѣсь, какъ дома! сказалъ превратникъ. — Здѣсь васъ никто не побезпокоитъ.

И оставивъ ихъ однихъ, онъ удалился. Они стали устраиваться на ночлегъ....

Въ полночь кто-то изъ ночевавшихъ на дворѣ проснулся и вдругъ закричалъ:

— Проснитесь! Глядите! Свѣтъ на небѣ!

Всѣ проснулись, вскочили и стали глядѣть на небо. Движеніе охватило и дворъ и гостиницу. Всѣ были изумлены такъ, что не могли говорить.

— Это пастухи зажгли за горою костеръ! наконецъ кто-то нарушилъ молчаніе.

— Нѣтъ, это не костеръ! отвѣтили ему. — Развѣ вы не видите, что свѣтъ идетъ не снизу, а сверху? Глядите, на небѣ какая-то новая, громадная звѣзда!

— Да, да, это звѣзда!

Но откуда она взялась?

Потомъ всѣ опять смолкли. Торжественность и таинственность явленія сковали всѣмъ уста и всѣ въ страхъ и благоговѣніи опустили на колѣни.

Въ это время было волненіе и среди пастуховъ въ полѣ.

— Вставайте, вставайте! раздались и среди нихъ голоса увидѣвшихъ это небесное явленіе.

Собаки вскочили и съ всею убѣждалью, испуганный скотъ сбился въ кучу, пастухи поднялись на ноги.

— Что такое? спросили они въ одинъ голосъ.

— Смотрите! кричалъ старшій изъ нихъ. — Небо горитъ!

Вдругъ свѣтъ сдѣлался

Искушеніе.

Мечты под ёлкой. — Что, если-бы всё эти игрушки были живыми?

нестерпимо яркимъ: всѣ закрыли глаза и опустились на колѣни; души ихъ наполнились ужасомъ; блѣднѣя, едва сознавая себя, они пали ницъ и стали со страхомъ ожидать конца.

И вдругъ чей-то голосъ имъ сказалъ:— Не бойтесь!

Они прислушались.

— Не бойтесь!.. продолжалъ голосъ. — Я возвѣщу вамъ великую радость для всѣхъ людей.

Они поднялись съ колѣнъ и, поднявши глаза, увидѣли передъ собою ангела въ одѣяніи нестерпимой бѣлизны. Надъ головой его сіяла яркая звѣзда и лицо его блистало божественной красотой.

— Сейчасъ родился въ Виѳлеемѣ Спаситель міра, сказалъ онъ имъ.— Отправьтесь туда и вы увидите тамъ въ пещерѣ младенца въ ясляхъ и въ пеленахъ.

И вдругъ на высотѣ, едва доступной человѣческимъ глазамъ, появились другіе ангелы и послышалось пѣніе ихъ голосовъ:

„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Тогда говорившій съ пастухами ангелъ поднялъ свой взоръ кверху, взмахнулъ крыльями, поднялся отъ земли и исчезъ.

Когда пастухи пришли въ себя, то они долго съ недоумѣніемъ смотрѣли другъ на друга.

— Пойдемте туда! сказалъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ.

— Куда? спросили его другіе.

— Въ Виѳлеемъ! Пойдемте и посмотримъ, что тамъ дѣлается!..

— А какъ же наши стада?

— О нихъ позаботится Господь.

И они бѣгомъ побѣжали къ пещерѣ.

— Что вамъ нужно? спросилъ ихъ привратникъ гостиницы.

— Мы видѣли сейчасъ знаменіе на небѣ, отвѣтили они.— Дозволь намъ пройти къ пещерѣ!

— Идите! И я самъ тоже пойду съ вами!

Они прошли дворомъ и вошли въ пещеру. Ихъ встрѣтилъ Іосифъ.

— Миръ вамъ! сказалъ онъ имъ.

— И вамъ тоже да будетъ миръ! отвѣтилъ ему привратникъ.— Вотъ эти люди видѣли сейчасъ знаменіе на небѣ и хотятъ видѣть Младенца въ ясляхъ...

Доброе лицо Іосифа выразило волненіе.

— Да, здѣсь есть Младенецъ... отвѣтилъ онъ.— Онъ сейчасъ только родился... Вотъ онъ здѣсь, въ ясляхъ.

И онъ повелъ ихъ къ яслямъ, въ которыхъ дѣйствительно лежалъ ребенокъ.

— А гдѣ же Его Мать? спросилъ привратникъ.

— Вотъ она! отвѣтила одна изъ бывшихъ тутъ женщинъ и указала на Марію.

Пастухи опустились на колѣни, поклонились Младенцу и, полные неизъяснимо радостнаго чувства,

поцѣловали полы у одежды Его Матери. Затѣмъ они отправились обратно къ своимъ стадамъ. По дорогѣ они пѣли то, что слышали отъ ангеловъ:

„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“...

И вдругъ мимо нихъ проѣхали три великолѣпные бѣлые верблюды со всадниками на спинахъ. Передъ ними шла та самая, яркая звѣзда, которая свѣтила и испугавшимся ея пастухамъ.

— Гдѣ здѣсь родившійся Царь Іудейскій? обратился къ нимъ одинъ изъ всадниковъ. — Мы видѣли звѣзду Его на востокѣ и пришли поклониться Ему.

Пастухи указали ему на Виллеемъ.

— Тамъ, въ пещерѣ... сказали они. — Онъ лежитъ въ ясляхъ. — Эта звѣзда васъ доведетъ!

И путники поѣхали дальше.

Это были Валтасаръ, Мельхиоръ и Гаспаръ.

Когда они доѣхали, наконецъ, до гостинницы, при которой находилась пещера, то Гаспаръ спросилъ у привратника:

— Нѣтъ ли здѣсь новорожденного дитяти?

— Есть, есть! отвѣтили ему привратникъ и присутствовавшіе.

— Проведите насъ къ Нему!

Они сошли съ верблюдовъ, взяли съ собой дары и черезъ весь дворъ были проведены къ пещерѣ.

Въ это время звѣзда остановилась надъ ея входомъ и нѣкоторые испугались ея и ушли, а другіе вмѣстѣ съ пришельцами вошли въ пещеру.

Она освѣщалась фонаремъ. При слабомъ его мерцаніи чужеземцы увидѣли Марію съ проснувшимся дитятей на колѣняхъ.

— Это твое дитя? спросилъ Валтасаръ.

— Да, это мой сынъ! отвѣтила она.

Тогда они пали ницъ и поклонились ему.

Затѣмъ они взяли отъ сопровождавшихъ ихъ людей привезенные ими подарки и положили ихъ передъ ребенкомъ.

— Теперь мы можемъ умереть спокойно, сказалъ Валтасаръ. — Мы собственными глазами увидѣли Того, о комъ такъ томилась наша душа. Мы сподобились увидѣть Христа!..

А въ это время далеко подъ небесами все еще слышалось пѣніе ангеловъ:

„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“.

Звѣзда еще долго стояла надъ пещерой и погасла только тогда, когда проглянули на востокѣ первые проблески разсвѣта и когда приѣхавшіе изъ далека на верблюдахъ чужеземцы снова отправились каждый къ себѣ домой и разъѣхались въ разныя стороны...

По L. Wallace «Ben-Hur».

НАТАША.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

Пока Наташа ѣдетъ съ Настасьей Никитишной въ Одессу, вернемся къ тому, что произошло не такъ ужъ далеко отъ Березокъ около одиннадцати лѣтъ тому назадъ.

Молодая женщина, которую провозжавшіе ее въ дорогу люди называли Ольгой Аркадьевной, сѣла вмѣстѣ со своимъ ребеночкомъ, котораго она сама называла Гришей, въ вагонъ желѣзной дороги и поѣхала далеко къ своему мужу. Ъхала она въ пассажирскомъ поѣздѣ, въ третьемъ классѣ, безъ всякихъ удобствъ, со своимъ чайничкомъ. Когда поѣздъ остановился раннимъ утромъ около какой-то большой станціи, она захотѣла попить чаю и взявши чайникъ, побѣжала на вокзалъ.

— Ужъ вы приглядите, пожалуйста, за моимъ Гришей, обратилась она къ сосѣду, указавъ ему на ребеночка.

Сосѣдъ кивнулъ ей головой и она вышла изъ вагона. Пока она разыскала буфетъ, пока добыла себѣ кипятку и купила хлѣбъ, въ это время, съ противоположной стороны, къ той-же станціи подошелъ скорый поѣздъ и сталъ у самой платформы, такъ что пасса-

жирскаго поѣзда за нимъ не стало видно. Ольга Аркадьевна не слышала, какъ онъ подошелъ. Ничего не подозрѣвая, она вышла изъ вокзала, чтобы садиться въ свой вагонъ, и, не разобравъ, въ чемъ дѣло, вошла въ скорый поѣздъ.

„Не туда попала“... подумала она. — „Должно быть, мой вагонъ впереди... Здѣсь второй классъ“.

И вмѣсто того, чтобы пройти къ своему вагону, она пошла вдоль скорого поѣзда. Въ это время поѣздъ тронулся и она поѣхала съ нимъ. Пройдя впередъ и не найдя своего вагона, она черезъ весь поѣздъ вернулась назадъ — и тоже не нашла. Всѣ вагоны были перваго и второго классовъ.

„Что за диковина?“ думала она. — „Куда-же дѣлся мой вагонъ?“.

Но, видя, что поѣздъ мчался изъ всѣхъ силъ и что станція промелькнула уже мимо, она встревожилась.

— Голубчикъ, да гдѣ-же здѣсь вагонъ третьяго класса? обратилась она къ проводнику.

— Здѣсь вовсе нѣтъ вагона третьяго класса, отвѣтилъ ей проводникъ. — Это поѣздъ господскій... Да вы куда ѣдете?

— Я ѣду въ Петербургъ.

— Эва! А мы—изъ Петербурга! Вы навѣрное не въ тотъ поѣздъ сѣли!

Чайникъ и французская булка вывалились изъ рукъ бѣдной женщины. Она поняла свою ошибку.

— Что-же теперь дѣлать? испугалась она.—Вѣдь тамъ у меня ребенокъ!

— Да вотъ черезъ два часа этотъ поѣздъ остановится, отвѣтилъ проводникъ, вы и вылѣзайте! А тамъ ужъ вамъ расскажутъ, что дѣлать!

Высунулись изъ своихъ отдѣленій пассажиры и пассажирки, стали ее спрашивать, ахать и охать, и какъ водится стали давать ей совѣты. Какъ женщина небывалая, робкая, Ольга Аркадьевна ничего не понимала, что ей говорили, и только чувствовала, что вотъ-вотъ лишится сознанія и упадетъ. Она всегда отличалась слабымъ сердцемъ и нерѣдко падала въ обморокъ и теперь боялась, какъ-бы это не случилось съ ней сейчасъ въ вагонѣ. Кто-то изъ пассажировъ заглянулъ въ путево-дитель и сказалъ ей:

— Вамъ надо поскорѣе догнать вашъ поѣздъ! Вы не вылѣзайте на этой станціи изъ нашего поѣзда, а проѣзжайте съ нами еще и до слѣдующей, тамъ мы встрѣчаемся со скорымъ поѣздомъ, который идетъ въ Петербурга. Вы садитесь въ него и проѣзжайте съ нимъ въ догонку за вашимъ пассажирскимъ

поѣздомъ, который тоже пошелъ въ Петербурга. Вы нагоните его въ два часа и поѣдете дальше уже со своимъ ребенкомъ.

Совѣтъ этотъ былъ непрактиченъ, нужно было-бы вылѣзти на первой-же станціи, заявить о происшествіи, послать телеграмму влѣдъ, чтобы задержали Гришу до возвращенія его матери, но Ольга Аркадьевна была женщина темная, поѣхала дальше и сдѣлала все такъ, какъ сказалъ ей этотъ господинъ. И получилось то, что она только даромъ потеряла много времени, своего ребенка не догнала, такъ какъ ея Гриша былъ уже высаженъ изъ вагона и попалъ къ извѣстному уже намъ начальнику станціи, который былъ тогда помощникомъ на разъѣздѣ „Кирилкино“. Подъ конецъ измученная, истерзанная душою, она впала въ продолжительный обморокъ и, когда очнулась въ больницѣ, то всѣ концы для нея были уже потеряны, и она не сумѣла ихъ найти. Такъ она и уѣхала къ мужу въ Петербурга безъ ребенка. Мужъ тоже не сумѣлъ найти этихъ концовъ, а затѣмъ потянулись дни и недѣли, изъ которыхъ получились мѣсяцы и годы,—и такъ это дѣло и было предоставлено судьбѣ. Ольга Аркадьевна очень скорбѣла по своему Гришѣ, часто видѣла его во снѣ, но Богъ послалъ ей взамѣнъ него утѣшеніе: у нея родилась дочь..... Наташа. Мужъ

ея вскорѣ умеръ и она осталась съ дѣвочкой одна. Она любила ее, воспитывала, какъ могла, и не разставалась съ нею ни на одну минуту. Мысль хоть когда нибудь найти Гришу все еще жила въ ея душѣ и она не покидала ее даже въ самые трудные дни своей жизни. Она была очень бѣдна, едва имѣла на хлѣбъ, но кошила деньги, чтобы снова попасть въ тѣ мѣста, гдѣ такъ обидно потеряла своего сына.

„Авось я его найду“... утѣшала она себя.—„Вотъ только бы деньги! Никакъ ихъ не добудешь... Найти-бы въ тѣхъ мѣстахъ для себя хоть какое-нибудь занятіе и, служа тамъ, заняться поисками“...

И она съ нетерпѣніемъ стала просматривать газеты. Она написала и въ Одессу къ своему дядѣ Андрею Петровичу Быкову, что если онъ прослышитъ о какомъ нибудь мѣстечкѣ въ тѣхъ краяхъ, то не оставилъ-бы ее увѣдомленіемъ. Дядя обѣщалъ. Кромѣ этого дяди у нея не было на свѣтѣ родныхъ никого.

И вдругъ—необыкновенное, радостное счастье! Она нашла въ газетѣ объявленіе о мѣстѣ, какъ разъ именно тамъ, списалась со своими будущими хозяевами и отправилась къ нимъ въ экономки. Ея уже семилѣтняя дочь Наташа по мѣхой ей служить не могла, и она взяла ее съ собою. Но здоровье

Ольги Аркадьевны уже значительно пошатнулась. Бывали дни, когда она еле держалась на ногахъ. Къ общему нездоровью прибавлялось еще недоѣданіе и недопиваніе—и когда Ольга Аркадьевна вышла съ Наташей на той самой станціи, невдалекѣ отъ которой находилась усадьба Наденьки и Вареньки—„Березки“, то она чувствовала себя уже совсѣмъ больной.

— Далеко-ли отсюда до Глыбнаго? обратилась она къ знакомому уже намъ начальнику станціи.

— Нѣтъ, недалеко, отвѣтилъ онъ.—Верстъ шесть или семь...

Она подумала.

— Въ такомъ случаѣ не стоитъ нанимать лошадей, сказала она.— Вотъ если-бы кто-нибудь помогъ мнѣ снести этотъ узелокъ, то я пошла-бы туда пѣшкомъ... Это было-бы дешевле...

— Такъ я вамъ предоставлю сейчасъ мальчугана! сказалъ начальникъ станціи.—Онъ вамъ охотно снесетъ!

И онъ подвелъ къ ней Гришу. Гриша взвалилъ къ себѣ узелъ на плечо и они пошли. Она не подозрѣвала, что этотъ мальчикъ—ея сынъ, а ему даже и въ голову не приходило, что эта женщина его родная мать, а эта дѣвочка Наташа—его сестра.

Такъ они шли по грязной осенней дорогѣ, пока наконецъ не дошли до усадьбы Березокъ, около вѣротъ которой случилось то не-

счастное происшествіе, каковымъ, начинается этотъ нашъ разговоръ.

Такимъ образомъ и Гриша, и Наташа остались круглыми сиротами... Судьба свела ихъ неожиданно вмѣстѣ и они стали близкими друзьями, не зная, что были родными братомъ и сестрой.

Узнавъ, что Наташа уѣхала въ Одессу въ то самое время, какъ онъ сидѣлъ на яйцахъ и высиживалъ цыплятъ, Гриша пришелъ въ отчаяніе и не зналъ, что дѣлать. Слезы брызнули у него изъ глазъ.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? залепеталъ онъ.—Какъ-же теперь я буду безъ нея?

И онъ сталъ рыдать такъ, что было жалко на него смотрѣть.

— А ты-бы еще сталъ высиживать гусей! прикрикнула на него кухарка Ариша.— Тѣ на недѣлю выходятъ позже!

Но въ душѣ ей было жаль его, и она взяла его за руку и повела къ себѣ въ кухню, чтобы его тамъ накормить. Но, несмотря на голодь, Гриша не могъ ничего проглотить.

— Дуракъ я! ругалъ онъ себя.— Вѣдь все равно-же ничего не вывелось!

Но молодость и время взяли свое,—и онъ утѣшился. Онъ по прежнему жилъ въ Березкахъ и помогалъ по хозяйству, но никто уже не слышалъ отъ него остротъ и его простоватаго, искренняго

смѣха. Онъ уже не совершалъ никакихъ шалостей и велъ себя такъ тихо, точно былъ примѣрнымъ ученикомъ. Видно было, что онъ тосковалъ. Онъ хотѣлъ писать къ Наташѣ, спросилъ у Наденьки ея адресъ и листъ бумаги и конвертъ, но такъ у него ничего изъ письма и не вышло: послать ему не удалось.

— Его-бы въ ученье... говорилъ про него садовникъ Ефимъ Ивановичъ.

Наденька и сама сознавала это, но взяться было некому и такъ проходили дни за днями. А затѣмъ онъ исчезъ.

Случилось это вотъ какъ.

Живя долгое время на станціи желѣзной дороги, онъ зналъ, что мѣстные служащіе пользуются правомъ бесплатнаго проѣзда туда и обратно, и затаилъ въ своей душѣ сокровенное желаніе во чтобы то ни стало попасть въ Одессу. Но какъ это было сдѣлать безъ денегъ? Какъ было попасть туда безъ бесплатнаго билета? И онъ рѣшилъ его добыть. Для этого онъ пустился на хитрость.

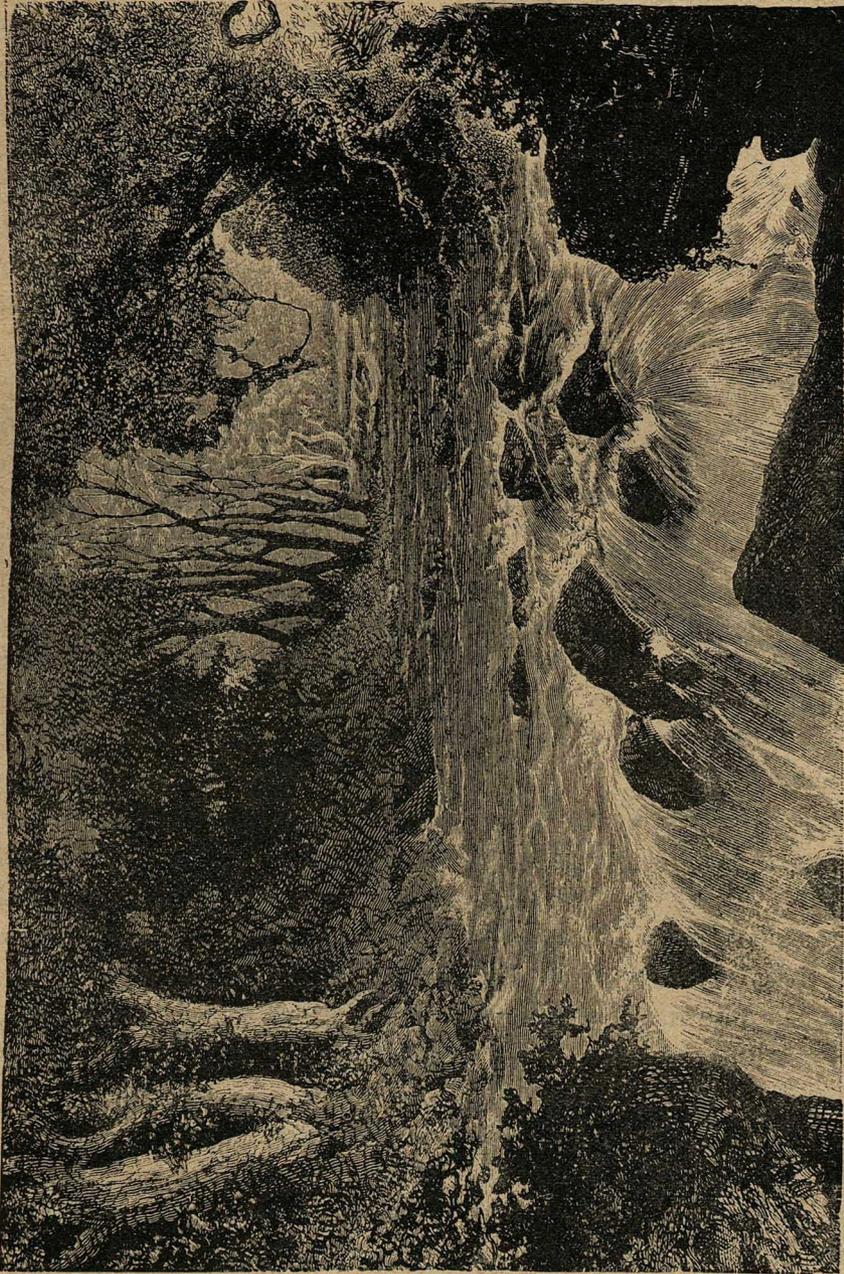
— Гдѣ-то теперь наша Наташа? какъ-то однажды вздохнула Ариша, зѣвнула и перекрестила себѣ ротъ.—Какъ-то она тамъ поживаетъ въ Одессѣ?

— А вы хотѣли-бы, тетенька, ее повидать? спросилъ у нея Гриша.

— Да еще какъ! Такъ-бы туда сейчасъ и полетѣла!

Въ Лѣсу.

Горная рѣчка.

— Хотите, я достану для васъ билетъ?

— Достань... отвѣтила, чтобы отвязаться отъ него, Ариша. А сама и подумала:— „Ну, гдѣ ему достать? Зря только болтаетъ!“.

Но онъ обрадовался своей затѣй и на другой-же день убѣжалъ на станцію. Явившись къ начальнику станціи, онъ сдѣлалъ ласковую рожицу и сталъ его просить.

— Дяденька, будьте такіе добрые, достаньте бесплатный билетъ въ Одессу и обратно!

— Это для кого? удивился начальникъ станціи.

— Для Ариши... Она живетъ въ кухаркахъ у барышни Надежды Петровны... Она меня кормитъ и обстирываетъ... Сдѣлайте такое одолженіе! Это въ Березкахъ!

Начальникъ станціи подумалъ и потерялъ свою бородку.

— Если въ Березки, то можно... отвѣтилъ онъ и пошелъ къ себѣ въ контору.

Черезъ недѣлю Гришка торжественно несъ къ Аришѣ бесплатный билетъ, да еще на двухъ персонъ.

— Въ Одессу? испугалась она.— Да что ты, что ты? Я еще не сошла съ ума! Да куда я поѣду такая старая, да сырая? Нѣтъ, нѣтъ! Ужъ ты меня и не морочь, пожалуйста! Не нужно мнѣ твоего билета! Ну, ее эту самую Одессу!..

Гришѣ только этого и было нужно. Разъ билетъ такимъ обра-

зомъ оказывался свободнымъ, то онъ рѣшилъ использовать его самъ.

И, улучивъ удобную минуту, онъ вышелъ изъ усадьбы—и больше его уже не видалъ никто. Въ усадьбѣ думали, что онъ ушелъ къ себѣ на станцію, а начальникъ станціи былъ увѣренъ, что онъ благоденствуетъ въ Березкахъ. Такъ его и не хватился никто. А онъ тѣмъ временемъ мирно ѣхалъ одинъ въ Одессу.

А въ это время Наташа сидѣла у Андрея Петровича Быкова во всемъ домѣ одна, скучала и съ тоской вспоминала о Березкахъ и ихъ милыхъ обитателяхъ. Андрей Петровичъ былъ уже старикъ, жилъ одинъ, ходилъ къ обѣднѣ и ко всенощной и по цѣлымъ часамъ просиживалъ на биржѣ или на гавани, проводя время со своими стариками-пріятелями, и эти разговоры казались ему дѣломъ. Ему казалось, что онъ былъ занятъ, и онъ довольный возвращался домой. У него было очень мало общаго съ Наташей и онъ не интересовался ею совсѣмъ.

— Вотъ взялъ къ себѣ сироту за Христа-ради... говорилъ онъ знакомымъ.— Умру—будетъ кому помолиться за упокой моей души. Все-таки содержу ее, одѣваю, пою и кормлю...

Бѣдная Наташа вовсе не нуждалась въ этомъ содержаніи и всей своей душой, всѣми своими помыш-

леніями пламенно желала возвратиться поскорѣе въ Березки. Но это для нея казалось уже невозможнымъ. Настасья Никитишна привезла ее въ Одессу, сдала съ рукъ на руки Андрею Петровичу и отправилась къ себѣ и для Наташи потянулись длинные, унылые дни въ обществѣ старой-престарой кухарки Фетиньи, которая не любила дѣтей и все свое время дремала у печки.

— Эхъ-хе-хе-хе-хе!.. зѣвала она нараспѣвъ и Наташа только и слышала отъ нея эти звуки.

Фетинья никогда не заговаривала съ ней, никогда не задавала ей вопросовъ и дѣвочка чувствовала себя такъ, точно попала въ тюрьму или въ закупоренную бутылку.

— Бѣдная я! шептала она въ отчаяніи. Зачѣмъ меня сюда привезли? Я здѣсь соскучусь одна и умру!

Она написала печатными буквами длинное-предлинное письмо къ Гришѣ и Наденькѣ, въ которомъ описывала имъ свою скуку и одиночество и просила взять ее обратно. Но она не знала ихъ точнаго адреса и надписала на конвертѣ только слѣдующее: „Въ имѣніе Березки, передать тетѣ Надѣ и мальчику Гришѣ“. Она бережно опустила сама это письмо въ почтовый ящикъ и, конечно, оно по адресу не дошло.

Она съ нетерпѣніемъ ждала на него отвѣта, но дни проходили за

днями и онъ не приходилъ. Тогда, потерявъ всякую надежду на вѣсти изъ Березокъ, она затосковала, загрустила и стала замѣтно худѣть. Это даже бросилось въ глаза Андрею Петровичу и онъ рѣшилъ съ нею заговорить. Какъ-то вечеромъ онъ вернулся изъ церкви домой, усѣлся за чай и сталъ подшучивать надъ Наташей.

— Ну, что, Скучнула Ивановна, обратился онъ къ ней,—сидишь, надувшись, какъ мышь на крупу? Разказала-бы мнѣ что-нибудь!

Андрей Петровичъ былъ въ духѣ. Наташа обрадовалась, что съ ней наконецъ заговорили, и, какъ дитя, сразу-же стала выкладывать передъ нимъ все, что знала о Березкахъ. Она разказала ему обо всѣхъ, но больше всего говорила о Наденькѣ и о Гришѣ.

— Да кто-же это такой Гриша, спросилъ Андрей Петровичъ,—что ты только о немъ и говоришь?

— Это такой забытый мальчикъ! отвѣтила она.

— Что-же это значитъ „забытый“?

— А вотъ видите, какъ было дѣло, затараторила Наташа.—Когда онъ былъ еще маленькимъ груднымъ ребеночкомъ, то его мама оставила его одного въ вагонѣ, а сама ушла. Такъ она въ вагонъ больше и не возвращалась. Ребеночекъ такимъ образомъ поѣхалъ дальше уже одинъ, безъ нея. Пассажиры слышали, какъ она назы-

вала его Гришей, и вотъ такъ зовутъ его теперь и всѣ.

Андрей Петровичъ смутился, встревожился и даже поднялся съ мѣста.

— Что ты говоришь? спросилъ онъ.—Повтори еще разъ! Должно быть, я ослышался!..

Она повторила и продолжала:

— Такъ какъ онъ оставался въ вагонѣ одинъ, то на какой-то станціи вошелъ жандармъ и взялъ его. А затѣмъ жандармъ передалъ его начальнику станціи. Начальникъ станціи ждалъ-ждалъ, когда за нимъ пріѣдетъ его мама и возьметъ его къ себѣ, да такъ и не дождался. Она не пріѣхала вовсе. Такъ ребеночекъ у начальника станціи и остался совсѣмъ.

Андрей Петровичъ разволновался. Ему быстро пришла на умъ вся исторія потери Гриши его племянницей Ольгой Аркадьевной.

— Да ты откуда все это знаешь? спросилъ онъ съ дрожью въ голосѣ.

Наташа не замѣчала его волненія.

— Да это всѣ въ Березкахъ знаютъ! воскликнула она.—Самъ начальникъ станціи рассказывалъ объ этомъ тетѣ - Надѣ, а тетя Надя—всѣмъ намъ...

— А ты точно знаешь, что этого мальчика зовутъ именно Гришей? спросилъ въ волненіи Андрей Петровичъ и тутъ-же и самъ спохватился, что задалъ странный вопросъ.—Сколько ему лѣтъ?

— Одиннадцать.

— Совершенно вѣрно! А какъ называется ваша станція?

— „Козьи Воды“.

Андрей Петровичъ отошелъ къ столу, дрожавшими руками напарилъ на немъ очки, потомъ досталъ съ полки старый путеводитель и сталъ его перелистывать.

— Да, да... сказалъ онъ наконецъ.—Это онъ. Въ этомъ не можетъ быть больше никакого сомнѣнія. Станція „Комольчино“, на которой произошла вся эта исторія, находится на той же самой дорогѣ, какъ и „Козьи-Воды“ и недалеко отъ нея... Это онъ! Да, да, это тотъ самый Гриша, котораго потеряла бѣдная Ольга!

И онъ нѣсколько разъ набожно перекрестился. А затѣмъ онъ подошелъ къ полной удивленія Наташѣ и, чего съ нимъ еще ни разу не было,—ласково погладилъ ее по головѣ.

— Твой братъ нашелся!.. сказалъ онъ, и слезы засвѣтились у него на глазахъ.—Этотъ Гриша—твой родной братъ,—и вотъ наконецъ онъ нашелся...

Наташа едва понимала, что онъ говорилъ.

— Теперь его надо будетъ выписать сюда, продолжалъ Андрей Петровичъ.—Тебѣ здѣсь скучно, я вижу это,—но онъ непременно, и какъ можно скорѣе долженъ явиться сюда!.. Тебѣ съ нимъ будетъ веселѣе!

И вдругъ случилось для Наташи чудо. Дверь распахнулась и въ нее неожиданно вошелъ веселый, розовый отъ мороза Гриша. Увидѣвъ Наташу, онъ обрадовался и по обыкновенію засмѣялся.

— Гы-и! сказалъ онъ. — Вотъ и я!

— Гриша! взвизгнула Наташа и бросилась къ нему. — Милый, дорогой, хорошій Гриша! Да какъ же ты сюда попалъ?

И она стала рыдать. А затѣмъ оба стали смѣяться. Смѣялись они долго и такъ продолжительно, что изъ двери высунулась кухарка Фетинья и, протирая отъ сна глаза, только и могла сказать:

— Ну, ну!!

А Андрей Петровичъ все время крестился. Приѣздъ Гриши въ Одессу и появленіе его именно въ такой значительный моментъ казались ему чудомъ и во всякомъ случаѣ чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ.

— Ну, вотъ и хорошо! повторялъ онъ. — Вотъ и хорошо!.. Теперь вы будете жить здѣсь вмѣстѣ!.. Вамъ не будетъ скучно... Вы теперь братъ и сестра...

— Какъ братъ и сестра? удивился Гриша.

Наташа рассказала ему все. Онъ стоялъ, точно пораженный громомъ, широко разставивъ руки и ноги и раскрывъ ротъ. Удивленію его не было границъ.

— Такъ, значить, та женщина, которая тогда умерла, была моя

маменька? спросилъ онъ. — Царство ей небесное!

И онъ въ свою очередь сталъ горько плакать. Поплакавъ, онъ сталъ потомъ смѣяться и ему звонко вторила Наташа. А Андрей Петровичъ все ходилъ по комнатѣ и, полный удивленія повторялъ:

— Ну, вотъ и хорошо!.. Теперь вы будете жить здѣсь вдвоемъ!..

— Гдѣ это жить вдвоемъ? вдругъ спохватился Гриша.

— А здѣсь, у меня!.. отвѣтилъ ему Андрей Петровичъ. — Въ этомъ домѣ!..

Гриша досталъ изъ-за пазухи желѣзнодорожный билетъ.

— Покорнѣйше васъ благодаримъ, дѣдушка, сказалъ онъ. — Только оставаться намъ здѣсь у васъ нельзя. Вотъ и билетъ. — Я долженъ везти Наташу въ Березки... Тамъ ее ждуть... Гы-и!

— Да что ты, что ты! воскликнулъ Андрей Петровичъ. — Только что я сталъ привыкать къ вамъ, а ты ужъ и тово!.. Собираешься назадъ!.. Поживите у меня хоть до весны, а тамъ поѣдемъ вмѣстѣ!

И они долго еще пререкались, но Гриша оставался неумолимъ.

.....

Зима. Сочельникъ. Въ маленькой, уютной комнатѣ въ Березкахъ все уже убрано, вымыто и стоитъ на своихъ мѣстахъ. Пахнетъ сдобнымъ хлѣбомъ и запекаемымъ окорокомъ. Варенька и Наденька, нарядныя, но печальныя, убира-

ють елку. Это у нихъ—обычай. Елку дѣлала для нихъ еще ихъ покойная мать, когда онѣ были маленькими, и въ память о ней дѣлають онѣ ее и теперь, хотя и выросли уже большими. Что-то ласковое, счастливое, уютное наполняло ихъ души, когда въ комнатахъ чувствовался отъ елки запахъ хвои или нагаръ отъ свѣчей.

— Зажигать? спрашиваетъ Варенька.—Уже восемь часовъ!..

— Да, уже пора!.. отвѣчаетъ Наденька.—Ждать некого!.. Вѣдь никто не придетъ!..

И обѣ сестры начинаютъ зажигать на елкѣ свѣчи. Приходятъ Ариша, Паша, садовникъ Ефимъ Ивановичъ съ женой и кое-кто изъ дворни. Всѣхъ охватываетъ праздничное настроеніе.

— Вотъ бы сейчасъ сюда Гришу да Наташу! говоритъ Наденька и глубоко вздыхаетъ. Гдѣ-то они теперь?

— Да... протягиваетъ Ариша.—

Жаль Гриньку!.. Пропалъ неизвестно куда!.. А парень былъ хорошій!.. Гдѣ-то онъ теперь?..

— Да, гдѣ-то они теперь!.. говоритъ и Варенька.

И вдругъ отворяется дверь, холодная струя воздуха врывается въ комнату и колеблетъ пламя на свѣчахъ.

— Мы здѣсь! Мы здѣсь! вдругъ раздаются радостные голоса Гриши и Наташи.

Всѣ вскрикивають отъ удивленія, бросаются къ нимъ и раскрываютъ имъ свои объятія.

— Гриша! Наташа! слышатся голоса.

А затѣмъ порывъ радости охватываетъ всѣхъ,—но здѣсь авторъ чувствуетъ себя уже не въ силахъ описать восторгъ обитателей мирной усадьбы Березокъ, предоставляет это воображенію читателей, прощается со своими героями и по необходимости ставитъ давно уже желанное слово.

к о н е ц ъ .

М. Б—скій.

НАКОНЕЦЪ-ТО!..

Ну, вотъ и ёлка!.. Зажигаютъ!..

— Идите, дѣти! Васъ зовутъ!

И въ залу дѣти выбѣгаютъ,
Шумятъ, танцуютъ и поютъ,

Они клеили картонажи

И, сдѣлавъ цѣлый ихъ запасъ,
Недѣлю ждали, такъ что даже,
Бѣдняжки, плакали не разъ.

А ужъ мечтать!.. За три недѣли

Объ ёлкѣ стали говорить!..

Ребята съ ёлкой надоѣли,
Начавши рѣзать и сорить!

И вотъ ужъ музыка играетъ!..

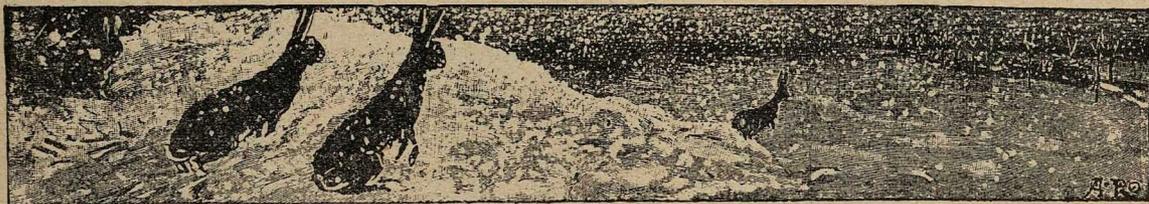
Они смѣются и шалятъ,

А елка пышная сіяетъ,

Маня къ себѣ сердца ребятъ!

Кузнечикъ.

МАГАРКА и ШАРИКЪ.

Разсказъ ослика.

Я не скажу, чтобы я былъ доволенъ, что я—осель. Я часто завидоваль птицамъ, потому что онѣ свободны и могутъ летать, куда хотятъ, мы-же, ослы, вѣчно принуждены таскать на себѣ тяжести и испытывать побои отъ своего хозяина. Мнѣ ужасно невыносимо жилось у моего перваго хозяина. Онъ возилъ на мнѣ мѣшки съ овощами въ Тифлисъ, плохо кормилъ меня и такъ безжалостно меня билъ, что мнѣ пришлось даже отъ него бѣжать. Я долго скрывался отъ него въ лѣсу и, если бы не моя тоска по людямъ, которыхъ я любилъ, то я, вѣроятно, такъ-бы и остался въ лѣсу и одичалъ-бы совсѣмъ. Но я ушелъ изъ него, нечаянно набрелъ на добрыхъ людей—и вотъ я теперь у маленькаго Мити и у его бабушки, которые холятъ и ласкають меня. Объ этомъ вы уже знаете изъ предыдущаго моего разсказа; знаете также и о томъ, какъ я добылъ для Мити друга—маленькаго Давида. А теперь я разскажу вамъ, какъ я добылъ для нихъ

обоихъ еще одного друга—собаку Шарика и какъ мы стали жить всѣ вмѣстѣ вчетверомъ.

Я зналъ Шарика уже давно. Я еще тогда былъ молодъ и силенъ и носилъ на своей спинѣ громадныя грузы и умѣлъ проходить по самой узенькой тропинкѣ. Однажды мой первый хозяинъ почему-то запозднилъ въ Тифлисъ и мы возвращались домой, когда было уже совсѣмъ темно. Ночь была темная, нависли тучи и не было видно ни одной звѣзды. Наша дорога пролегала черезъ горы, но была проѣзжая и гладкая, такъ что было нетрудно идти, да къ тому-же я привыкъ къ ней и зналъ на ней каждый камешекъ. На крутомъ поворотѣ ея хозяинъ сказалъ:

— Свернемъ направо; пойдѣмъ по тропинкѣ; здѣсь будетъ напрямикъ и поближе.

Мы свернули и пошли по узенькой, стиснутой въ горахъ тропинкѣ, на которой я едва могъ протиснуться со своей кладью. Мнѣ нельзя было свернуть ни вправо, ни влево, такъ какъ тропинка шла

по дну глубокаго, высохшаго горнаго ручья.

— Но, но, но!.. кричалъ на меня хозяинъ и больно ударялъ меня свади палкой.

Какъ вдругъ я почувствовалъ около переднихъ своихъ ногъ что-то мягкое и остановился. Не раз-

И онъ протиснулся впередъ и пошарилъ руками у моихъ переднихъ ногъ.

— Да здѣсь щенокъ! радостно воскликнулъ онъ.— Живой! Кто-то его сюда подкинулъ! Ну, что-же, онъ будетъ у насъ сторожить домъ! Возьмемъ его съ собой!

Мыльные пузыри.

давить его было невозможно. Необходимо было остановиться.

— Да но-же! Но! крикнулъ хозяинъ и ударилъ меня еще больнѣе.

Но я не двинулся съ мѣста.

— Ну, чего-ты сталъ? продолжалъ онъ.— Сказать бы, ты во что-нибудь уперся?

Онъ сунулъ щенка въ одну изъ корзинокъ и мы отправились дальше.

Изъ этого щенка и выросъ впоследствии Шарикъ.

Я тогда влачилъ жалкую, голодную жизнь. Мнѣ часто не давали ѣсть, требовали отъ меня чрезмѣр-

Озеро въ Швейцаріи зимой.

наго труда и я былъ худъ и некрасивъ и часто просилъ себѣ у Бога смерти. Шарикъ-же, изъ котораго выросла прекрасная сторожевая собака, жилось гораздо лучше, чѣмъ мнѣ: онъ игралъ съ хозяйскими дѣтьми и тѣ иногда давали ему кое-что тайкомъ отъ своихъ родителей, такъ что онъ большею частью былъ сытъ. Къ тому-же онъ былъ ловокъ и умѣлъ пролѣзывать въ кладовую и стащить тамъ то корку хлѣба, то залежавшуюся кость. Мы жили съ нимъ въ большой дружбѣ. Онъ былъ признателенъ мнѣ за то, что я не растопталъ его тогда ногами на горной тропинкѣ и всячески старался доказать мнѣ свое расположеніе.

— Ъшь скорѣе! однажды сказалъ онъ мнѣ, принеся откуда-то кусочекъ хлѣба и положивъ его у моихъ ногъ на землю.—Я вѣдь вижу, какъ ты голодаешь!

— Но вѣдь ты самъ-же хочешь ѣсть! отвѣчалъ я ему. — Кушай самъ. Я привыкъ уже и къ голоду и къ побоямъ, и къ трудамъ!

— Да ты не разсуждай! Ъшь! настаивалъ онъ.—А то придетъ кто-нибудь, увидитъ—и насъ избьютъ обоихъ! Я не могу видѣть, какъ ты голодаешь!

Я съѣлъ, а Шарикъ сидѣлъ тутъ-же, смотрѣлъ на меня и по выраженію его глазъ я могъ замѣтить, что онъ былъ доволенъ. Былъ доволенъ также и я: я мучительно былъ голоденъ. Съ этихъ

поръ не проходило дня, чтобы Шарикъ чего-нибудь мнѣ не принесъ: то корку хлѣба, то кусокъ овечьяго сыра, то еще чего-нибудь.

— Какъ жаль что ты не ѣшь мяса!... говорилъ онъ.—А то-бы я дѣлился съ тобой и мясомъ!

— Что дѣлать? разводилъ я ушами.—Я неисправимый вегетарианецъ!

Какъ только наступалъ вечеръ и всѣ въ домѣ затихали, Шарикъ являлся ко мнѣ, укладывался у моихъ ногъ и мы начинали разговаривать. Конечно, никто въ мірѣ не понялъ-бы нашего разговора, но мы его понимали. Мы, животные, не умѣемъ, говорить, какъ люди; мы не произносимъ словъ, но мы отлично разговариваемъ другъ съ другомъ посредствомъ незамѣтныхъ для человѣка движеній хвостомъ, ушами или-же выраженіемъ глазъ. Лежа у моихъ ногъ или прижавшись своей теплой спиной къ моему боку, Шарикъ рассказывалъ мнѣ всѣ новости, а я слушалъ.

Но только однажды онъ пришелъ ко мнѣ только поздней ночью. Видъ у него былъ избитый и разстроенный.

— Что съ тобой? испугался я.

— Побили... грустно отвѣтилъ онъ.

— За что?

— Не знаю... Хозяйка что-то долго искала и не нашла. Поду-

мала на вора. Кромѣ того, она, строго запретила дѣтямъ кормить меня и сказала, что съ завтрашняго дня посадятъ меня на цѣпь и не будутъ вовсе кормить, чтобы я былъ злѣе.

Я ужаснулся.

— Для чего-же это нужно? спросилъ я. — Для чего нужно сажать тебя на цѣпь?

— Не знаю...

— Въ такомъ случаѣ бѣги!

— Но я люблю своихъ хозяевъ! Я жить не могу безъ нихъ!

Я тоже не могъ жить безъ людей и потому ничего ему не отвѣтилъ.

Весь слѣдующій день я не видѣлъ Шарика, и когда мы послѣ полудня вернулись съ хозяиномъ изъ Тифлиса, то я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ къ вечеру онъ пришелъ ко мнѣ и положилъ у моихъ ногъ большой кусокъ хлѣба.

— На, поѣшь... сказалъ онъ мнѣ печально. — Это уже въ послѣдній разъ... Сегодня цѣпи нигдѣ не могли найти и заказали кузнецу. Онъ принесетъ ее завтра — и завтра я уже лишусь свободы и ты будешь голодать еще больше. Этотъ кусокъ хлѣба я укралъ для тебя.

Я поблагодарилъ его и только что хотѣлъ приняться за ужинъ, какъ ко мнѣ въ конюшню вбѣжали хозяйка съ работникомъ и схватили Шарика за кожу на спинѣ.

— А, ты воровать?! воскликнула она. — Ты воровать!? Хорошо-же! Я тебя сейчасъ проучу! Гурьянъ, начинай!

Гурьянъ размахнулся и сталъ стегать плетью бѣднаго Шарика по спинѣ. Онъ громко завизжалъ. Тогда я не выдержалъ, возмущенъ и, чтобы защитить своего друга, подскочилъ къ Гурьяну и схватилъ его зубами за рукавъ. Хозяйка выпустила изъ рукъ Шарика, онъ увернулся и убѣжалъ. Я сбиль хозяйку съ ногъ и удары посыпались на меня. А когда они устали меня бить и ушли, я вышелъ изъ хлѣва и отправился разыскивать своего друга. Долго я шелъ по дорогѣ и вдругъ услышалъ сбоку, въ канавѣ, жалобный плачь: ску-ску-ску!..

— Ты здѣсь? радостно воскликнулъ я. — Они уже ушли! Успокойся! Пойдемъ домой! Я никому не дамъ тебя въ обиду!

Поджавши хвостъ, онъ послѣдовалъ за мною. Мы провели всю ночь вмѣстѣ, прижавшись другъ къ другу, намъ было тепло и мы не спали. Мы долго разговаривали, жаловались на судьбу и мечтали о добрыхъ хозяевахъ. Наконецъ утромъ пришелъ хозяинъ съ работникомъ, они нагрозили меня мѣшками съ картофелемъ и приготовили меня въ путь.

— Пора, пора! торопилъ хозяинъ. — Мы проспали!

А затѣмъ онъ привязалъ Шарика на веревку и веревку ко мнѣ и погналъ насъ обоихъ въ Тифлисъ.

— Пойдемъ и ты! крикнулъ онъ Шарикѣ.—Мнѣ такого вора, какъ ты, не нужно!

Шарикъ было уперся, потянулъ за веревку назадъ, но потомъ смирился и побрелъ покорно рядомъ со мною.

Когда мы пріѣхали на базаръ, то пришелъ какой-то челоуѣкъ, долго осматривалъ Шарика, уплатилъ за него хозяину сорокъ копѣекъ и увелъ его съ собою.

— Останетесь довольны! кричалъ ему вслѣдъ хозяинъ.—Хорошая собака! Злая!

Такъ я и остался одинъ.

А затѣмъ я убѣждалъ отъ своего хозяина. Какъ я проводилъ время въ лѣсу и какъ набрелъ потомъ на своихъ новыхъ хозяевъ,—вы уже знаете. Жизнь у Мити была для меня настоящимъ раемъ, и я не желалъ ничего лучшаго. Я каталъ Митю и его друга Давида на своей спинѣ, все время былъ около нихъ и мы жили близкими друзьями. Старушка-бабушка, глядя на насъ, радовалась и то и дѣло повторяла:

— Вотъ-бы теперь хорошую собаку! Какъ я люблю хорошихъ собакъ! Нѣтъ лучшаго друга, какъ собака!

А я стоялъ въ сторонкѣ, слышалъ эти ея слова и мысленно повторялъ.

— Гдѣ-то мой другъ Шарикъ? Какъ-бы ему было здѣсь хорошо!

И все время я думалъ о Шарикѣ. Такъ прошли цѣлые полгода.

Въ верстѣ отъ нашего домика протекалъ ручей. Когда мнѣ хотѣлось пить, то я уходилъ къ этому ручью одинъ и, напившись, возвращался домой. Такимъ образомъ не нужно было поить меня дома. Это упрощало дѣло. Но однажды цѣлую недѣлю шелъ проливной дождь, нашъ колодець размыло и тотъ прозрачный ручей, изъ котораго я пилъ, сталъ мутнымъ. Хозяевамъ не изъ чего было поставить самоваръ и нечего было напиться и мнѣ, такъ какъ мутной воды мы, ослы, не пьемъ. Кинулись къ сосѣдямъ, но не оказалось воды и у нихъ. Говорили, что отъ проливныхъ дождей гдѣ-то размыло плотину, что всѣ колодцы загрязнены и что теперь придется ждать цѣлую недѣлю, пока вода устоится и очистится отъ грязи.

— Придется послать за водой къ Плишвили! сказала бабушка.—Вѣдь надо же что-нибудь пить!

Она достала два глиняные кувшина, повѣсила ихъ черезъ меня на ремняхъ, усадила ко мнѣ на спину Митю и Давида и послала насъ за водой. Плишвили жилъ верстахъ въ семи отъ насъ въ своей усадьбѣ и имѣлъ превосходный глубокой колодець. Но случился проливной дождь, моимъ

сѣдокамъ пришлось вернуться назадъ, и нужно было послать со мной кого-нибудь другого. Вызвался мѣстный пастушокъ и отправился на мнѣ къ Плишвили. Тамъ мы набрали воды и благополучно вернулись домой.

Въ слѣдующій разъ я отправился къ Плишвили уже одинъ. Ослы отлично запоминаютъ дорогу и часто ходятъ за порученіями одни. Придя къ воротамъ усадьбы, я нашель ихъ запертыми.

„Какъ-же теперь быть?“ подумалъ я.

И я сталъ искать другого входа въ усадьбу. Пройдя вдоль забора, я скоро нашель въ немъ калитку. Повидимому, она предназначалась для рабочихъ, такъ какъ вела въ виноградникъ и на табачныя плантаціи Плишвили. Я вошелъ въ нее и вдругъ услышалъ около себя чье-то злобное ворчанье. Я отлянулъ. У самой калитки, со стороны двора, стояла собачья будка и въ ней сидѣла собака. Замѣтивъ, что я не обратилъ никакого вниманія на ея ворчаніе, собака выскочила изъ будки и, зазвенѣвъ цѣпью, съ громкимъ лаемъ бросилась на меня и уже хотѣла схватить меня за ногу.

— Шарикъ!.. обрадовался я.— Здравствуй! Неужели ты меня не узналъ?

— Батюшки! Кого я вижу! съ восторгомъ воскликнулъ Шарикъ и, завилывъ хвостомъ, сталъ бро-

саться къ моей мордѣ и лизать меня своимъ теплымъ, розовымъ языкомъ.—Какими судьбами! Мой милый, дорогой, ненаглядный Тимуръ!..

— Теперь ужъ я не Тимуръ, отвѣтилъ я ему.—Я—Магарка. Я живу теперь у новыхъ хозяевъ и они дали мнѣ имя Магаръ.

И я рассказалъ ему все, что произошло со мною за это долгое время разлуки. А онъ, бѣдный, всѣ эти долгіе мѣсяцы протомился, какъ узникъ, въ неволѣ на цѣпи.

Боже мой, какъ мы оба обрадовались нашей неожиданной встрѣчѣ! Съ какимъ восторгомъ мы глядѣли другъ на друга и какъ интересовались услышать другъ о другѣ какъ можно больше! Но пора была уже идти за водой.

— Знаешь, что? предложилъ я ему.—Пойдемъ со мною! Тамъ, гдѣ я живу, тебѣ будутъ очень рады! Ты увидишь, какъ тебѣ будетъ хорошо!

— Но вѣдь я-же привязанъ... съ грустью отвѣтилъ Шарикъ.—Я на цѣпи...

— Это ничего! Ошейникъ кожаный, и я сейчасъ его перегрызу! Подставляй шею!

Шарикъ вытянулъ шею и я принялся за дѣло. Черезъ двадцать минутъ я уже важно шествовалъ съ водою домой, а Шарикъ весело бѣжалъ сбоку меня и помахивалъ хвостомъ.

— Ты не можешь себѣ предста-

вить, восхищался онъ,—какъ приятно пробѣжаться послѣ столькихъ мѣсяцевъ неволи! Я такъ доволенъ встрѣчѣ съ тобой и свободѣ! Ну, что можетъ быть ужаснѣе, какъ потерять свободу, не чувствуя за собой никакой вины!

Я боялся расплескать воду и поэтому шелъ шажкомъ. Когда черезъ полтора часа мы пришли къ себѣ домой, то, увидавъ Шарика, всѣ выбѣжали изъ дома и стали его ласкать.

— Бабушка! Давидъ! во все горло кричалъ отъ радости Митя.— Магарка собаку привелъ! Какая ласковая, добрая! Теперь она останется у насъ совсѣмъ!

Никогда не видавшій ласки, Шарикъ легъ на спину, брюхомъ

кверху, и сталъ отъ удовольствія скулить. А затѣмъ онъ не выдержалъ и сталъ отъ восторга носиться по двору. Набѣгавшись, онъ сталъ бросаться съ изъясненіями расположенія къ бабушкѣ, Митѣ и Давиду и лизать ихъ въ самыя губы, а затѣмъ подбѣжалъ ко мнѣ и понятнымъ только намъ однимъ языкомъ сказалъ:

— Я никогда не уйду отсюда! Здѣсь такъ хорошо! За этихъ людей я готовъ сейчасъ положить свою жизнь!

И онъ остался у насъ навсегда, Вѣрнѣе его не было ни одной собаки во всемъ мірѣ, а мнѣ было приятно вдвойнѣ: я радовался и за дѣтей и за него.

По M-me de Ségur.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задумано названіе города въ Сѣверо-Восточной Россіи, состоящее изъ 15 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15.

Буквы 1. 4. 7. 2. 12. 14. 8—означаютъ птицу куриной породы, 3. 6. 13. 8—то, что бываетъ на травѣ по вечерамъ, 10. 11. 3. 14. 2—обрубокъ дерева, 5. 6. 12. 6. 9. 8—хищную птицу, 10. 4. 3. 5. 6. 9. 4. 1. 15—золотую монету, 5. 4. 7. 9. 2—время года, 13. 2. 12. 8. 9.

10. 2—истребляющее посѣвы на сѣкомое, 7. 6. 3. 6. 14. 2—хищную птицу, 5. 4. 10. 4. 3. 15—часть сутокъ.

Какія это слова и названія какого города задумано?

II.

Что находится между поломъ и потолкомъ?

III.

Что дѣлаетъ гусь, когда ему исполняется годъ?

IV.

Если отъ названія насѣкомаго отнять первую букву, то получит-ся названіе рака.

Какое слово задумано?

V.

Мальчика спросили:

— Кто это разбилъ тарелку?

Мальчикъ отвѣтилъ:

— Эту тарелку разбилъ сынъ моего отца, которому я не братъ.

Кто разбилъ тарелку?

Ш а р а д ы.

I.

Часть *первая* моя кусаетъ больно.

Жужжитъ, летаетъ — и порой

Бываетъ ихъ у насъ довольно...

Какъ и у пчель, у нихъ есть рой.

Вторая жъ — служить намъ отвѣ-
томъ,

Когда мы задаемъ вопросъ:

„Кругла-ль земля?“ „Тепло-ли лѣ-
томъ?“

„Бываетъ-ли зимой морозъ?“

А *вмѣстѣ все* — въ войну бываетъ,
Когда съ войсками врагъ придетъ,
Кругомъ на крѣпость нападаетъ
И ждетъ, когда она падетъ.

II.

Есть государства и державы,

Есть націй много и столицъ,

И всюду встрѣтите меня вы, —

Меня поютъ миллионы лицъ.

Но если *цѣлое* возьмете,

То въ немъ на стѣнкѣ вы найдете

Второй его же части видъ.

Онъ въ рѣдкой школѣ не виситъ.

Слогъ *первый* мой поютъ и въ *цѣломъ*

А цѣлыхъ — много во *второй*.

Вторыхъ же на всемъ свѣтѣ бѣ-
ломъ

Всего одна и нѣтъ другой.

Совсѣмъ проста шарада эта

И такъ легко ее рѣшить!

И ждемъ мы вашего отвѣта,

Чтобъ ваше имя помѣстить. М.

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 2, помѣщенныхъ въ № 2 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Грачъ, нога, ванна, воронъ = Гончаровъ. II. Серебро, валенки, сторожъ, Польша = Севастополь. III. Карманъ и тина = Картина. IV. По воздуху. V. По воздуху. VI. . . . мо + локо (молоко), . . . ма + сло (масло), . . . о + корокъ (окорокъ), . . . хлѣ + бѣ (хлѣбъ), . . . ки + селъ (кисель), . . . теля + тина (телятина), . . . мя + со (мясо), . . . колба + са (колбаса), . . . пи + рогъ (пирогъ), . . . ка + пуста (капуста). VII. По русламъ. VIII. По воздуху и отъ деревни.

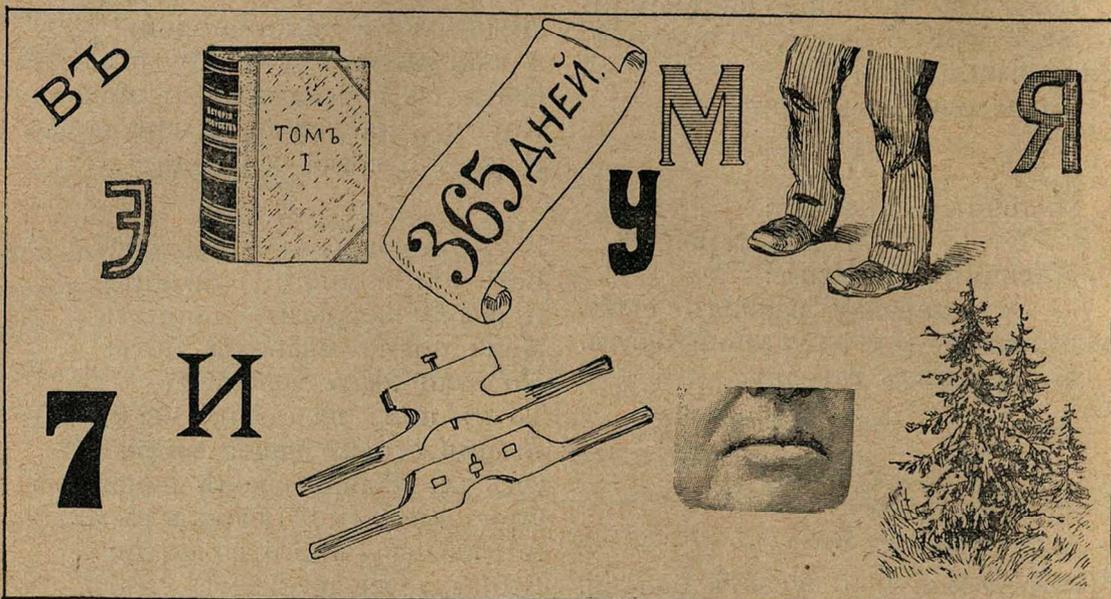
Ребусъ № 2. М + ножъ + ест + въ + о + болтъ + л + ивы + хъ + сорокъ + ут + ромъ + н + оси + досъ + п + оса + ду = Множество болтливыхъ сорокъ утромъ носилось по саду.

Вирныя рѣшенія прислали: Вадя и Зоя Бавьковскіе, Коля Никифоровъ, Э. и В. фанъ-деръ-Ховенъ изъ Саратова, Дюка и Юра Горбачевы, Александръ Чемерзинъ, Владиміръ Дахновъ, Максъ Линдеръ, Шура Поляковъ, Ирена Рахтъ, Кукочка Гревъ, Шура Александрова, Сима и Валя Луценковы, Нювикъ изъ Люблина, Маня

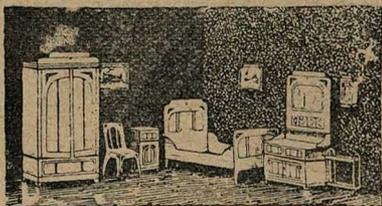
Крупчакова, Коля Клементьевъ, Маруся и Германъ Тизенгаузенъ, Вова Чижевскій, Лиля Лебединская, Женья и Миня Березовскіе, Лида Лазаревичъ, Евгений Глинтерникъ, Боря Потаповъ, Тamarочка Черткова, Боря Удадьцовъ, Ганя Трепененковъ, Юра Молчановъ, Ледя Токаревъ, Додо Ушаковъ, Боба и Зоя Остапъ, Миля и Тоня Уткины, Вѣрочка Святогоръ-Штепина, Надюша Бойчевская, Миша Жукъ, Николай Краузъ, Володя Павловъ, Сарра Гринкругъ, Тася Долганова, Маня Карпова, Чесъ Алексюкъ, Андриуша Фростъ, Володя Захъ, Володя Степленкій, Аня Янчевская, Маня Якубовская, И. Чернышевъ, Женья, Люся и Сережа Мокшаковы, Люба Карсунская-Висоцкая, Зина Федорова, Володя Синькевичъ, Шушу Леонтьевъ, Миша Каминскій, Ваня, Таня и Маня Акимовы, Коля Гоптаревскій и Котыкъ, Виталій Паустовскій, Леля и Лена Мельниковы, Люся Ковалева, Валя Кипарисова, Миша и Ваня Немоловскіе, Валя и Толя Табенцкіе, Миша Третьяковъ, Вѣра Кудинова, Мих. Средневъ, Лева Альбинскій, Леонардъ и Эдгардъ фонъ-Рихтеръ и m-lle Robin, Мотя Зайцевъ, Е. А. фонъ-Штрикъ, Екатерина Благомыслова, Милица и Ольга Гемпель, Володя Крестовскій, Кина, Леля, Сережа и Шура изъ Калуги.

Ребусъ № 4.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Модель приложенія къ этому номеру.

Какъ устраивать прыгунчиковъ («Нѣмецъ и лягушка»), указано на послѣдней страницѣ обложки.

Лучшій подарокъ для дѣтей къ РОЖДЕСТВУ:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію (въ Европейской Россіи и на Кавказъ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.

Годъ восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

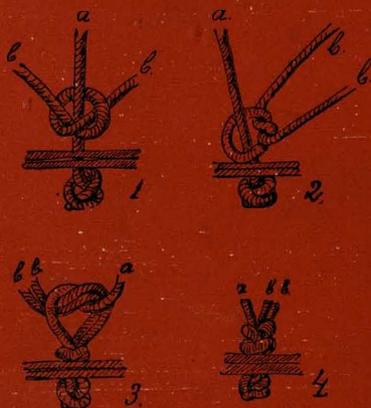
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

КАКЪ ДѢЛАТЬ ПРЫГУНОВЪ? (См. приложеніе къ этому номеру).

Нѣмецъ и Лягушка. Способъ устройства нитей съ изнанки, за которыя дергать.

Способъ завязыванія узловъ въ сочлененіяхъ.